

Усачук А.Н.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ ИЛИ ОСЕЛКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕСКОЛЬКИХ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В работе рассматриваются несколько каменных изделий, найденных на поселениях срубной культурно-исторической общности в районе Донца и Северо-Восточного Приазовья. Проведен трасологический анализ изделий, определены их функции.

Ключевые слова: каменное изделие, оселок, абразив, антропоморфная фигурка.

В декабре 2007 г. по просьбе В.Н. Горбова в связи с находкой своеобразного каменного изделия на поселении Камышеватая-ХVIа (см. работу В.Н. Горбова, Е.В. Кабановой в этом сборнике) было проведено трасологическое изучение этого и нескольких других каменных изделий из материалов различных поселений эпохи поздней бронзы. Использовался микроскоп МБС-2.

1. Торец (Устье), поселение (г. Николаевка, Славянский г/с, Донецкая обл.). Подъемный материал; разведки В.В. Цимиданова, 1987 г. (рис.1, 4).

Небольшое изделие из базальта [Легенди степу, 2004, с.47, фото 5]. Сохранность хорошая. Все плоскости покрыты следами тонкого абразива. На широких плоскостях эти следы преимущественно поперечные, на узких – поперечные и диагонально-вертикальные. Наиболее интенсивные следы концентрируются в районе желобка: его изготовление шло, в основном, с боковых плоскостей. Очевидно, твердость сырья не позволила задействовать технику пикетажа для изготовления желобка и мастер ограничился только интенсивным применением мелкого абразива активного действия. Тщательно изготовлена “головка” изделия. Здесь несколько участков обработаны на абразиве пассивного действия в различных направлениях: мастер старался придать “головке” более-менее шаровидную форму. Кроме “головки” тщательно обработан на абразиве нижний торец изделия, который тоже получился немного округлым, что не позволяет изделие установить вертикально. Кроме абразива никаких следов изготовления не выявлено.

Все грани изделия завальцованы до заполировки, из-за чего фигурка получила “мягкие” очертания и эффектный блеск. Отмечу, что заложены и небольшие сколы в нижней части изделия (рис.2, 4А), и большой скол чуть ниже перехвата (рис.2, 4Б). На сколах, кроме залощенности нет следов, то есть изделие почти не использовали в качестве орудия. Очень небольшое количество поперечных следов в нижней части изделия (рис.2, 4В) можно интерпретировать, как следы заточки металлических острий. Впрочем, сырье не способствовало тому, чтобы использовать изделие в качестве оселка, а потому эта группа локальных следов вызывает некоторое удивление. В районе желобка следы абразива частично стерты. Все изделие контактировало с мягким, эластичным материалом, но на желобке этот контакт происходил гораздо интенсивнее. Очевидно, желобок служил для захлеста шнурком или тонким кожаным ремешком.

Выбор эффектного сырья, изготовление почти шаровидной “головки” и малочисленные следы работы, полировка, возникающая от длительного контакта с мягкими материалами [ср. Семенов, 1957, с.90] позволяют считать изделие с поселения Торца (Устье) не столько оселком, сколько своеобразной антропоморфной фигуркой. Подобная фигурка-оселок могла висеть либо на поясе, либо в качестве украшения – на шее человека.

2. Яровая, поселение (северо-восточная окраина пгт Яровая, Краснолиманский р-н, Донецкая обл.). Подъемный материал; разведки Э.Е. Кравченко, 1986 г. (рис.1, 1).

Небольшое изделие из плитки кварцита¹. Сохранность хорошая. В верхней части – техникой пикетажа было начато оформление желобка с узких сторон заготовки. Возможно, мастер пытался выделить “головку”, но попытка не удалась – часть “головки” (рис.2, 1А) скололась. На мой взгляд, “головку” пытались сделать более симметричной и участок ее (рис.2, 1Б) тоже отбил при изготовлении. Во всяком случае, сохранившийся в этом месте желобок (рис.2, 1В) почти “не держит” даже плотный захлест шнура: петля может держаться только при более широкой “головке”.

Пикетаж дополнен в районе желобка шлифовкой. В глубине желобков сохранились следы поперечного мелкого абразива. На плоскостях изделия тоже зафиксированы тонкие разнонаправленные следы мелкого абразива, но их немного. Чуть больше обработаны узкие боковые грани (левая – интенсивнее правой). Плоский нижний торец уплощен на абразиве.

Все изделие сильно залощено. По обеим плоскостям зафиксированы длинные диагональные следы, оставшиеся от заточки плоских металлических лезвий. На торце “головки” (рис.2, 1Г) – легкие следы забитости (подправка лезвий?). Сколы в нижней части изделия (рис.2, 1Д) завальцованы сильно. Более крупный скол (рис.2, 1Е) появился позже, поскольку здесь завальцованы только выступающие участки слома.

В целом, сработанность орудия из Яровой небольшая. Замечу, что следы от заточки лезвий напрямую не связаны с сильной залощенностью и изделия, и его сколов. Очевидно, как и в случае с изделием с поселения Торец (Устье), мы сталкиваемся с орудием, которое одновременно (и, на мой взгляд, в большей степени) являлось и своеобразной антропоморфной фигуркой.

3. Камышеватая-XIV, поселение (Першотравневый р-н, Донецкая обл.). Раскопки В.Н. Горбова, 2007 г. (рис.1, 2).

Обломок изделия из сланца. Поверхность в верхней части отслоилась (рис.2, 2А). На гранях – диагональные и поперечные следы абразива. Они перекрыты плавными завальцованными поперечными следами. Складывается впечатление, что на длинный и узкий стержень что-то наматывали (возможно, первоначально длинное узкое орудие использовали в виде сверла?). Этому не противоречит более-менее округлое сечение сланцевого бруска (границы заготовки стачивались преднамеренно на абразиве). После поломки фрагмент орудия недолго использовался (торец слома (рис.2, 2Б) немного завальцован) для заострения металлических шильев и игл: на орудии – длинная диагональная глубокая желобчатая царапина-выемка.

Желобок прорезан не очень аккуратно. Края его завальцованы от трения о шнурок или кожаный ремешок. Таким образом, не слишком долго использовавшееся орудие дольше служило в виде своеобразной подвески. Полная аналогия изделию из Камышеватой-XIV – такие же сланцевые или мергелевые подвески (возможно, оселки-подвески) с позднебронзового поселения Горный на Каргалах [Кузьминых, 2004, с.284-286].

4. Камышеватая-XIV, поселение (Першотравневый р-н, Донецкая обл.). Раскопки В.Н. Горбова, 2006 г. (рис.1, 3).

Фрагмент изделия из биотитового кристаллического сланца². Слоистая структура изделия “не держит” следов. По краям узких торцов шлифовкой намечен желобок. Очевидно, по широким сторонам желобок не прорезался. Следов использования почти нет (не сохранились?). Широкие стороны изделия пришлифованы чуть больше, чем узкие. Кромки граней вдоль длинных сторон (рис.2, 3А) залощены и завальцованы сильнее остальной поверхности. Орудие залощено до зеркального блеска. Подобный блеск характерен для орудий, связанных с обработкой металлических изделий (ср.: [Ширинов, 1986, с.57; Абдулганеев, Кунгурова, 1993, с.196;

¹ Здесь и далее определение сырья сделано зав. отделом природы Донецкого областного краеведческого музея Л.И. Нестеренко.

² По мнению Л.И. Нестеренко, сырье для этого изделия происходит из Приазовья.

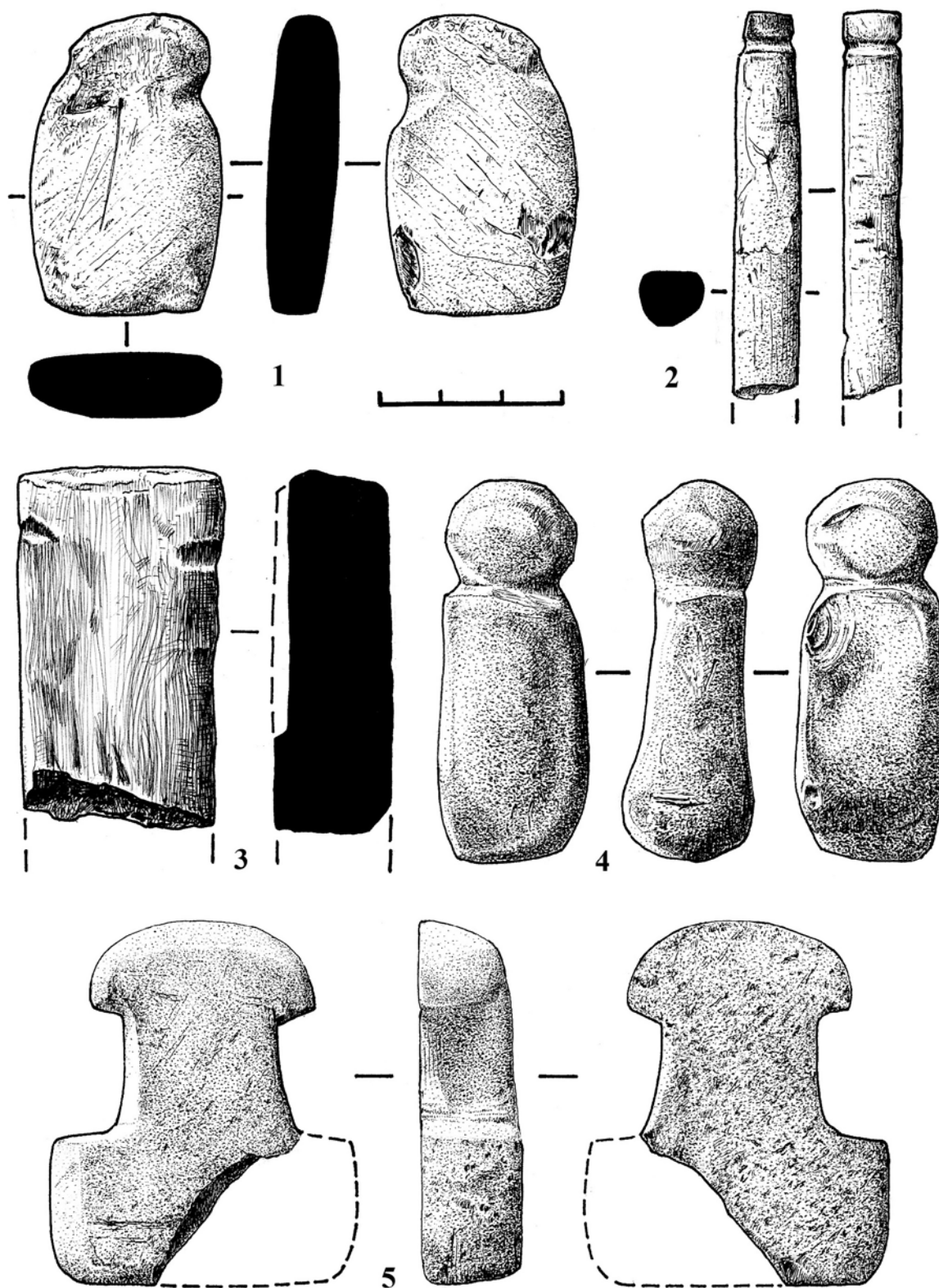

Рис. 1. Каменные изделия: 1 – поселение Яровая; 2,3 – поселение Камышеватая-XIV; 4 – поселение Торец (Устье); 5 – поселение Камышеватая-XVIa.

Fig. 1. Stone items: 1 – Yarovaia settlement; 2,3 – Kamyshevataia-XIV settlement; 4 – Toretz (Ustie) settlement; 5 – Kamyshevataia-XVIa settlement.

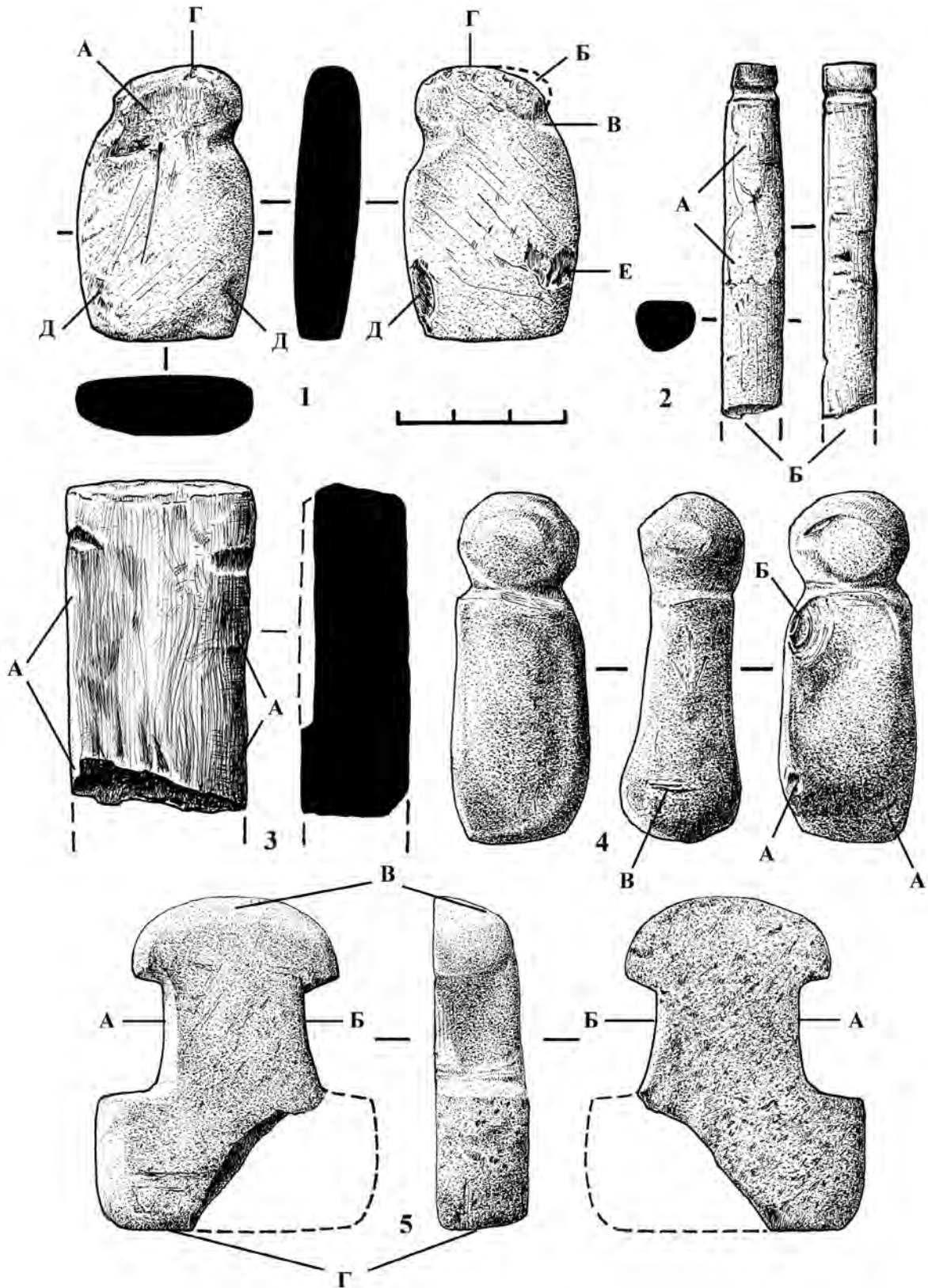

Рис. 2. Следы изготовления и использования на каменных изделиях с поселений эпохи поздней бронзы.

Fig. 2. Traces of manufacturing and using on stone items from the late Bronze Age settlements.

Кузьминых, 2004, с.286; Коробкова, Шапошникова, 2005, с.196 и др.]). Изделие является оселком-абразивом. Торцевого сломана не завальцована. Вероятно, орудие и в целом виде не очень долго использовали (косвенно об этом свидетельствует только намеченный желобок), а после поломки – выбросили.

5. Камышеватая-XVIa, поселение (Першотравневый р-н, Донецкая обл.). Раскопки В.Н. Горбова, 2006 г. (рис.1, 5) [Горбов, Горбов, 2007, с.200-203].

В качестве сырья использована плоская плитка песчаника. Сохранность хорошая. Лицевая поверхность изделия обработана, тыльная – почти без изменений. Обе поверхности специально оставлены шероховатыми: лицевая – немного выровнена; тыльная – чуть уплощена на абразиве (следы его параллельны длинной оси изделия).

После минимального уплощения заготовки мастером было проведено оформление “головки”. Участки плитки на торцах слева и справа от “головки” убраны при помощи абразивных брусков активного действия. Участок слева (рис.2, 5А) оформлен менее аккуратно, чем участок справа (рис.2, 5Б). На торце левого участка зафиксированы поперечные следы и только внизу, возле перехода торца выемки в “тело” изделия, абразивные следы идут немного под углом. Правый торец сохранил диагональные следы абразива. Подобное направление следов невозможно было бы при наличии широких и массивных абразивов: при обработке торца заготовки использовались узкие в сечении орудия.

Оформление округлого торца “головки” (рис.2, 5В) проведено после удаления участков плитки справа и слева (рис.2, 5А, Б). На торце “головки” сохранились поперечные следы абразива. В центральной части торца едва просматриваются продольные следы абразива. Очевидно, округлый торец “головки” оформлялся при помощи нескольких абразивов активного и пассивного действий.

Узкий торец “тела” сохранился плохо. Его поверхность залощена практически так же, как и поверхность левого выреза (рис.2, 5А). На торце “тела” зафиксированы слабые остатки охры. Нижний торец (основание) изделия сохранился фрагментарно. Однако,

даже по небольшой части торца видно, что из всех плоскостей изделия эта плоскость обработана наиболее тщательно. Сохранились слабые продольные следы абразива под заполировкой, которая сочетается с отсутствием каких-либо следов сработанности или завальцованности граней изделия. Заполировка нижнего торца не связана с использованием изделия в качестве орудия по металлу: нет металлического блеска (ср. [Коробкова, Шаровская, 1983, с.89, 91; Коробкова, Виноградов, 2004, с.71; Коробкова, Шапошникова, 2005, с.200; Исамиддинов, Алмазова, Рапен, 2006, с.72, 75 и др.]) и окалины [Килейников, 1984, с.118], присущих каменным гладилкам-выпрямителям.

Сочетание тщательности изготовления изделия из плитки песчаника вплоть до преднамеренной заполировки, что случается очень редко [Семенов, 1957, с.90], с отсутствием следов сработанности позволяет не считать находку с поселения Камышеватая-XVIa орудием. Возможно, изделие использовалось в виде накладки: в пользу этого свидетельствует тыльная сторона, сделанная мастером ровной в отличие от выпуклых торцов и лицевой стороны. Накладка не привязывалась (нет следов затертости на массивной “шее” изделия), а, очевидно, приклеивалась (подправленная, но оставленная довольно шероховатой тыльная сторона идеально подходит для этого). Однако, я затрудняюсь сказать, что могла представлять собой ровная поверхность, куда приклеивалась такого рода накладка.

Полученные трасологические данные не противоречат и предположению В.Н. Горбова, В.В. Горбова и Е.В. Кабановой – считать это изделие антропоморфной статуэткой [Горбов, Горбов, 2007, с.202; работа В.Н. Горбова, Е.В. Кабановой в этом сборнике]. Правда, они предполагают, что статуэтка была более длинной и нижний торец заполирован на месте излома. Вряд ли это так. Изделие, несмотря на отсутствующий фрагмент, воспринимается, как одно целое (рис.1, 5). На сохранившейся части основания фигурки нет сбоев в размерах и оформлении торца, почти неизбежные при ремонте. Выдержаны все пропорции, в том числе и идея наклона торца “головки” (чуть больше) (рис.2, 5В) и основания (чуть

меньше) (рис.2, 5Г). Я полагаю, что статуэтка сохранилась, не учитывая утраченный фрагмент “тела”, в первоначальном виде. Интересно, что оформление нижнего торца не позволяло установить статуэтку вертикально. Этим камышеватская статуэтка похожа на изделие из Яровой и особенно на своеобразную антропоморфную фигурку с поселения Торец (Устье). Обратим внимание и на антропоморфную статуэтку из Сергеевки, которую нельзя установить вертикально, а можно только держать в руках или к чему-либо прислонить (см. работу А.Н. Усачука, Ю.Б. Полидовича в этом сборнике).

В целом, трасологическое изучение небольшой группы каменных изделий позволило выявить несколько функций их применения. В четырех случаях из пяти мы сталкиваемся с тем, что изделия являются в какой-то

мере оселками. Правда, интенсивность использования этих оселков довольно низкая. Одновременно с этим, три оселка являются своеобразными подвесками, из них две – антропоморфными. Здесь вполне уместно вспомнить точку зрения М.П. Грязнова, считавшего оселки предметами культа [Грязнов, 1961, с.142] или жертвенный комплекс с поселения Камышное I, где с каменными сосудом и пестом были найдены три крупных оселка [Потемкина, 1985, с.115; Ченченкова, 2004, с.244-245]. Не случайно, что морфологически на оселок похожа и наиболее яркая находка из представленной группы – своеобразная фигурка (накладка?) из Камышеватой-XVIa. Это изделие вообще не является орудием, а относится к яркому образцу мобильной скульптуры малых форм, где стилизация достигает своего апогея.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулганеев, Кунгурова, 1993*: Абдулганеев М.Т. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая / М.Т. Абдулганеев, Н.Ю. Кунгурова // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1993. – С.191-202.
- Горбов, Горбов, 2007*: Горбов В.Н. Уникальная находка в приазовской степи / В.Н. Горбов, В.В. Горбов // Медицина в художних образах. Вып.5. – Донецк: Норд-прес, 2007. – С.200-203.
- Грязнов, 1961*: Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени / М.П. Грязнов // Исследования по археологии СССР. Сб. в честь М.И. Артамонова – Л.: Наука, 1961. – С.139-144.
- Исамиддинов, Алмазова, Рапен, 2006*: Исамиддинов М. Каменные орудия из Коктепа / М. Исамиддинов, Н. Алмазова, К. Рапен // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 35. – Ташкент: “Фан”, 2006. – С.69-78.
- Килейников, 1984*: Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения / В.В. Килейников // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1984. – С.108-123.
- Коробкова, Виноградов, 2004*: Коробкова Г.Ф. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III / Г.Ф. Коробкова, Н.Б. Виноградов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. № 2. – Челябинск. – С.57-87.
- Коробкова, Шапошникова, 2005*: Коробкова Г.Ф. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура) / Г.Ф. Коробкова, О.Г. Шапошникова. – СПб: Европейский Дом, 2005. – С. 316 с.
- Коробкова, Шаровская, 1983*: Коробкова Г.Ф. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской / Г.Ф. Коробкова, Т.А. Шаровская // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. – Л.: Наука, 1983. – С.88-94.
- Кузьминых, 2004*: Кузьминых С.В. Малые серии археологических материалов с Горного / С.В. Кузь-

миных // Каргалы. Т.Ш. Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.284-287.

Легенди степу, 2004: Легенди степу. Фотоальбом. – Донецьк: ВД “Кальміус”, 2004. – 104 с.

Потемкина, 1985: Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т.М. Потемкина. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Семенов, 1957: Семенов С.А. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) / С.А. Семенов // МИА. – 1957. – № 54. – 240 с.

Ченченкова, 2004: Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III – I тыс. до н.э. / О.П. Ченченкова. – Екатеринбург: “Тезис”, 2004. – 336 с.

Ширинов, 1986: Ширинов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья (по данным экспериментально-трассологического изучения) / Т. Ширинов. – Ташкент: “Фан”, 1986. – 135 с.

Usachuk A.N.

Anthropomorphous figurines or whetstones: the functional analysis of several stone items of the Late Bronze Age

The paper considers several stone items which were found on settlements of Srubnaia cultural-historical community in area of Donets and Northeastern Azov Sea littoral (Fig.1). The trace analysis of items has been made which enabled us to determine their functions (Fig.2). In four cases of five we can say that the items were used as whetstones. However, an intensity of using of these whetstones was low enough. At the same time three whetstones are the original pendants (Fig.1, 1, 2, 4), two of them are anthropomorphous ones (Fig.1, 1, 4). It is no mere chance that the brightest find from the presented group – an original figurine (an overlay?) from Kamyshevataia-XVIa (Fig.1, 5) is also morphologically similar to whetstone. This item is not an instrument but is a bright sample of a mobile sculpture of small forms where stylization reaches its apogee.

Keywords: *a stone product, a whetstone, an abrasive, an anthropomorphous figurine.*

Усачук А.М.

Антропоморфні фігурки або бруски: функціональний аналіз кількох кам'яних виробів доби пізньої бронзи

У роботі розглянуто декілька кам'яних виробів, знайдених на поселеннях зрубної культурно-історичної спільності у басейні Сіверського Дінця та Північно-Східного Приазов'я (рис.1). Проведено трасологічний аналіз виробів, визначено їх функції (рис.2). У чотирьох випадках з п'яти ми маємо справу з тим, що вироби є у якійсь мірі брусками. Щоправда, інтенсивність використання цих брусків досить незначна. Одночасно, три бруска є своєрідними підвісками (рис.1, 1, 2, 4), з них дві – антропоморфними (рис.1, 1, 4). Не випадково, що морфологічно на брусок подібна й найбільш яскрава знахідка з цієї групи – своєрідна фігурка (накладка?) з поселення Комишувата-XVIa (рис.1, 5). Цей виріб не є знаряддям, а відноситься до мобільної скульптури малих форм, де стилізація досягає свого апогею.

Ключові слова: *кам'яний виріб, брусок, абразив, антропоморфна фігурка.*